

Глава 21

Ли Ань долгие годы прожил в старом особняке семьи Ли, где лично заботился о всех молодых господах и госпожах. Но он впервые столкнулся с таким открытым и ласковым ребёнком.

— Дедушка-дворецкий, ну пожалуйста?

Фэн Юань продолжал умолять, его красивое личико выражало такую жалость, что любое сердце могло бы дрогнуть.

Но Ли Ань не дрогнул.

Он остановился у двери и, прежде чем войти к Ли Тину, подробно расспросил малыша о том, что произошло.

Фэн Юань, отвечая на вопросы старого дворецкого, тихим голосом рассказал обо всём, что случилось вечером.

Детский рассказ походил на монотонное перечисление фактов. Хотя Фэн Юань говорил лучше многих своих сверстников, дети не умеют выделять главное. Он несколько раз повторил, какими вкусными были такояки.

Ли Ань слушал очень терпеливо. Он выслушал всё о том, что Фэн Юань делал и ел днём и вечером, и после этого ему всё стало ясно.

— Ты уверен, что не хочешь, чтобы я рассказал Ли Тину?

— Не надо.

— Хорошо, — неожиданно согласился Ли Ань. — Я обещаю.

Увидев, что он согласился, Фэн Юань, чьё личико было бледным и слабым, мгновенно просиял.

— Спасибо, дедушка-дворецкий!

Фэн Юань от радости поцеловал его ещё раз.

Они вошли в ванную. Ли Тин, который мылся до сих пор, только что закончил и одевался.

Ли Ань опустил Фэн Юаня на пол. Он достал телефон и, склонив голову, отправил сообщение

доктору Гэ. Затем, обойдя Фэн Юаня, он несколькими шагами подошёл к двери ванной.

По пару, выходящему из ванной, и по температуре стекла Ли Ань примерно определил, что Ли Тин принимал очень долгий душ.

Его лицо стало серьёзным. Он ничего не сказал, лишь ждал, когда Ли Тин выйдет сам.

Вскоре одетый Ли Тин вышел. Вытирая волосы, он спросил:

— Юань-Юань, ты уже спишь?

Фэн Юань уже лежал на своей маленькой кроватке. После рвоты он устал и хотел отдохнуть.

Не успел Фэн Юань ответить Ли Тину, как фигура Ли Аня напугала Ли Тина до чёртиков.

— Дядя Ли, как вы здесь оказались? — Лицо Ли Тина изменилось. — Мой отец тоже приехал?

— Старый мастер не приезжал.

Ли Ань, хоть и постарел, но его орлиный взгляд, по-прежнему внушающий трепет, был нацелен на Ли Тина.

Он без всяких предисловий начал его отчитывать:

— Молодой господин Тин, вы осознаёте свою ошибку?

Ли Тин натворил столько дел, что на мгновение растерялся.

— Какую именно?

Лицо Ли Аня тут же стало ещё мрачнее.

Ли Тин перед Ли Анем был как перед своим отцом. По своему обычному характеру он бы сейчас ни за что не стал так спокойно разговаривать. Но обстоятельства вынуждали его пока не ссориться с отцом... В конце концов, он только вечером пообещал Фэн Юаню построить парк развлечений.

— Дядя Ли, вы считаете, что в моей комнате слишком много всего? Это называется мода, сейчас такой стиль популярен. А что до недавних гонок, это не я проявил неосторожность, это меня хотели подставить.

Ли Тин оправдывался по пунктам, но всё мимо.

Ли Ань больше не стал слушать его увёртки. Он глубоко посмотрел на взрослого и ребёнка в комнате, ничего не сказал и ушёл в соседнюю комнату отдыхать.

Сегодня вечером и тот, и другой должны были усвоить урок.

Глядя на ушедшего в соседнюю комнату Ли Аня, Ли Тин приподнял бровь, удивлённый, что на этот раз всё обошлось так просто.

Он быстро высушил волосы и сел на кроватку Фэн Юаня.

На маленькой кроватке были постелены матрас и одеяло, а также было летнее одеяло.

Ли Тин, видя, как он послушно залез под одеяло, удивился его покладистости.

— Ты сонный?

— Угу!

— Сказку на ночь больше не хочешь?

— Не хочу.

Фэн Юань, который больше всего на свете любил слушать сказки на ночь, сейчас, широко раскрыв свои тёмные, влажные круглые глаза, покачал головой и заботливо сказал:

— Уже поздно, дядя, ложись спать.

— Ладно.

Ли Тин, подняв руку, ущипнул его за мягкую, как тесто, щёчку и пробормотал:

— Почему твоё личико с каждым разом всё бледнее.

Такая бледность, словно от болезни, точно была не от Ли Чэна.

Ли Тин никогда не ухаживал за детьми, да и его собственное детство отличалось от обычного. Поэтому он до сих пор не осознавал, что его методы воспитания были неправильными.

В его понимании, забота о ребёнке — это сделать его счастливым, и это — идеальная забота.

Он позволял Фэн Юаню играть сколько угодно и есть что угодно.

Это было то, чего он сам желал в детстве.

Фэн Юань своей маленькой пухлой ручкой натянул одеяло, прикрыв половину лица. Он смотрел, как Ли Тин возвращается на большую кровать и ложится отдыхать.

— Юань-Юань, тебе оставить ночник?

— Не надо.

Фэн Юань, который боялся темноты, на удивление отказался от ночника.

— Дядя, давай выключим свет и будем спать.

Ли Тин ответил «угу» и, подняв руку, выключил свет.

Почти в тот же миг, как комната погрузилась во тьму, на лице Фэн Юаня, которое только что казалось нормальным, снова появилось страдальческое выражение.

Он повернулся на бок, его маленькая ручка легла на живот.

В темноте тиканье настенных часов отчётливо отсчитывало время.

Фэн Юань, наострив ушки, слушал не только тиканье часов, но и звуки, доносившиеся от Ли Тина.

Слушая, он ворочался. То на левый бок, то на правый, а то и вовсе ложился на живот, выпятив попку, и упирался животом в кровать. Он искал позу, в которой ему было бы удобнее.

Пока он искал, не спавший Ли Тин подошёл и откинул его одеяло.

— Ты один не можешь заснуть?

Ли Тин наклонился и, подняв испуганного малыша, перенёс его на большую кровать.

Он обнял его и, закрыв глаза, сонным голосом произнёс:

— Всё, не ворочайся. Я обниму тебя, спи давай.

Фэн Юань хотел вырваться, но ему было так плохо, что от любого движения его начинало тошнить ещё сильнее.

Ли Тин одной рукой обнимал его, а другой легонько похлопывал по спине.

Если бы не страдальческое выражение на лице Фэн Юаня, эта сцена могла бы показаться очень трогательной.

Ли Тин некоторое время похлопывал Фэн Юаня по его мясистой спинке, пытаясь убаюкать его.

Но Фэн Юань не мог заснуть.

Взрослый и ребёнок в темноте, на первый взгляд, лежали тихо.

Фэн Юань зажал рот своей маленькой пухлой ручкой. Он думал, что так его не вырвет. Но хотя он и зажал рот, в животе началась острая боль. Боль становилась всё сильнее, не собираясь утихать.

От боли Фэн Юань вскоре покрылся потом. Он не мог сдержаться и начал постанывать.

Ли Тин был очень чувствителен к его стонам. Едва он застонал несколько раз, как Ли Тин резко открыл глаза и в следующую секунду включил свет.

Свет озарил комнату, и в его глазах предстало бледное, вспотевшее личико Фэн Юаня.

— Юань-Юань!

Ли Тин, испуганный его видом, тут же сел.

— Что с тобой?!

Фэн Юань терпел до последнего. Он протянул ручки и, когда Ли Тин поднял его, попытался дотянуться до мусорного ведра у кровати.

Ли Тин не понял его намерения и немного помешал ему.

Через несколько секунд Фэн Юань, схватив его за руку и не успев дотянуться до ведра, вырвал несколько раз. Жёлтая желчь попала на одежду Ли Тина.

После этого Фэн Юань не выдержал и громко заплакал.

— Животик болит.

— У-у-у, животик болит.

Фэн Юань плакал так, что его лицо было мокрым от слёз, а голос срывался на плач, отчего у Ли Тина сжалось сердце.

Ли Тин, обнимая его, вскочил и в одних тапочках бросился на улицу.

Он добежал до двери, и в этот момент дверь соседней комнаты открылась.

Ли Ань был полностью одет, словно и не ложился спать.

Казалось, он предвидел это.

— В больнице уже всё готово. Пойдём.

Ли Тин растерянно последовал за ним. Сделав несколько шагов, Ли Ань остановился и с недоумением посмотрел на него.

— Ты так и пойдёшь?

Ли Тин, обнимая не перестававшего плакать Фэн Юаня, был в полной растерянности. Он остановился вслед за Ли Анем, не понимая, что тот имеет в виду.

Ли Ань посмотрел на заплаканное личико Фэн Юаня, затем на неуклюже пытавшегося успокоить ребёнка Ли Тина, вернулся в комнату и собрал детскую одежду и бутылочку с водой.

— Пойдём.

Он быстро всё собрал и, ведя за собой взрослого и ребёнка, сел в припаркованную у ворот машину.

Машина ехала быстро. Вскоре они прибыли в больницу. Доктор Гэ принял Фэн Юаня, уложил его на каталку и, делая осмотр, пока они ехали в процедурную, начал расспрашивать.

— Здесь болит?

— У-у-у, очень болит, не трогайте Юань-Юаня.

— Сколько раз его рвало?

— Много раз, у-у-у, Юань-Юаня больше не может тошнить, а всё равно тошнит.

Пока доктор Гэ расспрашивал Фэн Юаня, Ли Ань, сидевший рядом, дополнял картину.

— Вечером он был на ветру, промок и не сразу переоделся, так что ещё и простудился. На ужин он ел на улице с закусочными, пробовал всё понемногу, а ночью всё вырвал, еда даже не переварилась.

У Ли Аня был острый глаз. Он заметил, что вырвал Фэн Юань, как только увидел его.

На основе дополнений Ли Аня и реакции Фэн Юаня, доктор Гэ, нахмурившись, посмотрел на Ли Тина.

— И простудился, и наелся чего попало. Он же такой маленький, как он может такое выдержать?

Голос доктора Гэ был недовольным. Сказав это, он приступил к лечению Фэн Юаня.

Ситуацию Фэн Юаня Ли Ань уже описал ему по дороге. Он уже тогда поставил предварительный диагноз.

Теперь он подтвердил его:

— Гастроэнтерит. Нужно ставить капельницу.

Глубокой ночью Фэн Юаню всё-таки не удалось избежать укола. На лбу у него был жаропонижающий пластырь, а в пухлую ручку была воткнута игла капельницы.

Ли Тин в пижаме и тапочках сидел у его кровати. Его обычно высокомерное лицо сейчас было совершенно мрачным. Он чувствовал себя раздавленным.

— Дядя Ли, вы ведь всё давно поняли, да?

Ли Тин не поднимал головы. Его большая рука держала маленькую ручку Фэн Юаня, чтобы тот не двигался.

Когда делали укол, Фэн Юань сильно сопротивлялся. Он дрыгал ручками и ножками, плакал и пытался вырваться. Ли Тин, скрепя сердце, силой удержал его, чтобы врач смог поставить капельницу.

В тот момент Фэн Юань плакал так, что потерял голос.

Ли Тин, вспоминая это, чувствовал, как у него сжимается сердце и перехватывает дыхание.

Фэн Юань, наплакавшись, уснул со слезами на глазах.

Ли Тин сидел рядом с ним, не чувствуя ни малейшей сонливости. Он был в полном сознании.

— Да, когда я приехал, он тайно блевал во дворе.

Настроение Ли Аня тоже было не из лучших.

Когда Фэн Юаня силой держал Ли Тин, чтобы сделать укол, он стоял позади Ли Тина. Обездвиженный Фэн Юань, плача, протягивал к нему свои маленькие ручки.

— Дедушка-дворецкий, на ручки! На ручки! Обними Юань-Юаня!

Фэн Юань, всхлипывая, умолял его о помощи, просился на руки.

Ли Ань считал себя человеком с каменным сердцем. Но, слушая, как Фэн Юань надрывающимся от плача голосом просится на руки, он почувствовал, как у него что-то сжалось в груди.

Он не взял Фэн Юаня на руки, а лишь записал короткое видео и, не редактируя, отправил его старому мастеру Ли.

Теперь, когда Фэн Юань спал, Ли Ань, понизив голос, без всякого снисхождения отчитал Ли Тина за его безрассудную заботу о ребёнке.

Ли Тин выслушал упрёки Ли Аня от начала до конца, не возразив ни слова.

Они приехали в больницу уже за полночь. Во второй половине ночи Ли Тин не позволил Ли Аню бодрствовать вместе с ним. Он отправил его отдыхать, а сам остался у кровати.

Фэн Юань лежал в отдельной палате. В палате было тихо, не было ни звука.

Ли Тин держал маленькую ручку Фэн Юаня и внимательно рассматривал его мягкое личико.

К этому малышу, к которому он сначала испытывал лишь злобу, теперь... Да какая там злоба, он был готов сам заболеть и получить укол вместо него.

— Прости.

То, что случилось сегодня, в конечном счёте, было виной его собственной неосторожности. Он был слишком беспечен.

На лице Фэн Юаня ещё оставались следы слёз. Наверное, он так сильно плакал, что его тельце стало очень чувствительным. Когда Ли Тин протирал ему лицо влажной салфеткой, он, не открывая глаз, инстинктивно хныкал.

Ли Тин время от времени измерял ему температуру.

В 3:52 температура была тридцать восемь и два.

В 4:30 — тридцать семь и шесть.

В 4:58 — тридцать семь и восемь.

Ли Тин не только прикладывал ему жаропонижающий пластырь, но и обтирал его тельце тёплой водой.

В 5:30 температура была 37,5.

К шести часам температура опустилась до 37,2, постепенно приходя в норму.

Чуть позже шести не выспавшийся Фэн Юань проснулся от голода. Когда он проснулся, капельница как раз закончилась.

Увидев у кровати Ли Тина, Фэн Юань надул губки, готовый вот-вот расплакаться.

Когда ему делали укол, он отчаянно вырывался, не подпуская к себе Ли Тина.

Теперь, когда укола не было, он уже не помнил обиды.

Его веки были красными, а в глазах стояли слёзы.

— Юань-Юань голоден. Животик очень голоден.

Голос Фэн Юаня был всё ещё хриплым, но он уже просил у Ли Тина еды.

Ли Тин потрогал его лицо — жара не было.

— Хорошо, я куплю тебе поесть. Ты лежи здесь ещё немного.

Сказав это, Ли Тин встал, чтобы пойти купить каши.

Чтобы Фэн Юань не скучал, он включил на своём телефоне мультфильм и поставил его у кровати.

Фэн Юань, уставившись в мультфильм, тут же отвлёкся.

Ли Тин встал и вышел из палаты.

Пока Ли Тин самоотверженно ухаживал за больным малышом, настоящий больной в эту ночь тоже не спал.

Больной был болен, но не слеп.

С тех пор, как Ли Чэн вернулся домой, его лицо становилось всё краснее. Хоть он и молчал, Фэн Ци всё видел.

Гостиная была большой, диван тоже. Но когда Фэн Ци предложил Ли Чэну сесть, тот без всяких возражений и колебаний сел рядом с ним.

Двое смотрели друг на друга, и в их глазах плескались тёмные волны.

Рука Фэн Ци лениво скользнула вперёд, и кадык Ли Чэна заметно дёрнулся.

Однако в следующую секунду Фэн Ци лишь провёл рукой по его брюкам и взял лежавшую рядом подушку.

Ли Чэн опустил взгляд и отчётливо уловил в его глазах промелькнувшую искорку лукавства.

— Ты делаешь это нарочно, — вдруг сказал Ли Чэн, его пальцы сжали руку Фэн Ци.

Фэн Ци не стал уворачиваться и не попытался высвободиться, лишь приподнял бровь и с усмешкой посмотрел на него.

— Что нарочно? Господин Ли, о чём вы?

— Ты всё понял.

Ли Чэн, не отпуская его руки, приблизил своё мужественное лицо к лицу Фэн Ци.

— Ты давно понял моё состояние, но нарочно дразнишь меня. Фэн Ци, тебе нравится так играть со мной?

— Немного, — честно ответил Фэн Ци.

Он смотрел на приближающееся к нему лицо и не чувствовал ни малейшего давления. Ему даже было достаточно весело, чтобы продолжить игру.

— Ли Чэн, хорошо, что сейчас ты не обнимаешь Юань-Юаня. Иначе он бы, почувствовав, какой ты горячий, точно закричал бы, чтобы отвезти тебя в больницу. А в больнице, как думаешь, как бы тебя лечили?

Ли Чэн помрачнел. Он не ответил, лишь крепче сжал руку Фэн Ци и задал другой вопрос.

— Ты родил для меня Юань-Юаня, значит ли это... я всё ещё соответствую твоему вкусу?

Фэн Ци замер. Улыбка сошла с его губ, и он на мгновение замолчал.

Этот разговор, казалось, уводил их в прошлое, к былым чувствам.

Фэн Ци, стоявший одной ногой в могиле, не хотел больше говорить о чувствах.

— Ли Чэн.

В одно мгновение в голове Фэн Ци пронеслось множество мыслей. Когда он снова заговорил, на его лице вновь появилась та лёгкая, соблазнительная улыбка.

Он пошевелил рукой, которую сжимал Ли Чэн, и осторожно переплёл свои пальцы с его.

— Я одолжу тебе свою руку, — тихо сказал Фэн Ци, покачивая их сцепленными руками. — Но больше ничего не говори мне.

Он не хотел слышать ничего лишнего, не хотел нарушать нынешнее положение вещей и уж тем более не был заинтересован в новых отношениях.

Он просто хотел иногда поддаться порыву.

Последствия порывов у взрослых и детей, очевидно, были совершенно разными.

Малыш, который из-за своего порыва оказался на больничной койке, сейчас со слабым видом смотрел мультфильм, не отрывая глаз.

Ли Ань, который тоже уже проснулся в соседней палате, с телефоном в руках и включённой видеосвязью, тихо стоял в дверях. Он беззвучно навёл камеру на Фэн Юаня.

<http://bllate.org/book/13708/1585504>